

(Сообщено В. П. Ващенко). Вообще его комментарии, а он в кругу друзей делал их постоянно, были блестящи. В них была «аттическая соль» и тот аристократизм духа, который хорошо подметил Ю. Г. Виноградов.

3. К П. О., быть может, как к никому другому относится чудесное правило Монтеня. «Я не учу, я рассказываю» (так нам еще читал спецкурс по французской революции К. П. Добролюбовский). Как замороженные в течение года мы слушали курс древней истории, спецкурсы по культуре древней Греции. Теперь-то я знаю, что такое время, отведенное учебным планом. Наверное не легче было и полвека назад. Но П. О. умел оживлять историю, делать ее физически зримой. До сих пор я храню несколько тетрадей конспектов его лекций. В них 420 страниц. Просматривая их, я с удивлением и удовлетворением убедился, что пропусков практически нет. Тут мне вспомнилась давняя практика издания студенческих записей лекций крупнейших ученых. В помощь другим и, как часто оказывалось, к вящему восторгу потомков. Правда, как правило, они визировались самими авторами. Так было сохранено многое, что иначе пропало бы бесследно. П. О. уже не может одобрить или отклонить текст. Я не специалист и не мне судить, как далеко ушла за полвека история древнего мира. Но так это было в его устах. И быть может сегодняшних коллег по кафедре заинтересует эта идея, и мы сможем еще раз утвердить память о нем, издав курс лекций, читанный П. О. Карышковским в 1949-1950 гг.

4. Я уже писал в заметках, о которых речь шла выше, что П. О. один из трех учителей, которые сработали меня, какой бы бледной ни была копия. Пришла пора назвать второго, тем более что как-то они оба направили свой воспитательный гнев на аз грешного.

Это было настолько впечатлительно, что я, без преувеличения, и сегодня поживаюсь. Дело было так. На одном из заседаний кружка по истории древнего мира мне было поручено сделать доклад «Ф. Энгельс о раннем христианстве». Вдохновленный тезисом Н. Г. Чернышевского, дословный смысл которого «зачем утешать, если нельзя помочь», я начисто (ну, может быть, и не начисто), отрицал прогрессивную роль раннего христианства. Ну и влетело же мне. П. О. хотя бы делал скидку на какое-то проявление самостоятельности (чуть не написал «самостоятельного мышления»). Но второй оппонент был неумолим. Им был — Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, человек, перед которым я преклоняюсь, ученый и преподаватель, которого я боготворю. И хотя сегодня принято решение об увековечивании его памяти мемориальной доской, Одесса, университет, факультет, и все мы, его ученики, в большом долгу перед ним. Поэтому, отдавая сегодня дань П. О. Карышковскому, хочется верить, что состоится чтения, посвященные В. С. Алексееву-Попову.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СКИФСКОГО ОРУЖИЯ НА «БОРИСФЕНАХ»

Алексеев В. П. (Одесса)

Публикуемый неизвестный вариант «борисфена» (вес 9,62 г), на реверсе которого обух секиры представлен в виде головы и шеи коня (рис. I, 1), дает возможность по-новому осмыслить значение скифского оружия на этих монетах Ольвии и приблизиться к разрешению вопроса о характере отношений между ней и скифскими племенами в период осады этого полиса Зопирионом. В вопросе интерпретации смыслового значения скифского оружия (секиры и лука в горите) на «борисфенах» мнение исследователей сводится к тому, что оно символизирует власть Борисфена (Карышковский, 1968), выступающего в ипостаси защитника полиса (Русяева, 1992). В связи с представляемым вариантом «борисфена» нам кажется более верным вскользь высказанное предположение о секире как символе военной власти у скифов (Карышковский, 1957). Действительно, из скифского варианта этногонической легенды скифов (Her. IV 5-7) следует, что секира является символом их первого мифического царя Колаксия, олицетворявшего в обществе касту воинов. К тому же секиры, как полагают, были знаками предводителей родовых скифских отрядов, военачальников. Известно также и то, что другим атрибутом Колаксия был конь. Конь и царь выступали в религиозных представлениях скифов как воплощение солнца, об отождествлении царя и царского коня повествует миф о конском инцесте (Раевский, 1977). В скифе с секирой в руке, изображенным на обухе келермесской секиры, допускают видеть образ самого Колаксия (Раевский, 1985).

Аналогию рассмотренной секире на «борисфене» представляют секиры, обухи которых сделаны в виде головы коня и орлиноголового грифона с зубчатым гребнем (рис. I, 3-4). Последний вариант скифской секиры (раскопки Кубышева, 1982) позволяют трактовать шипы на секирах ранних эмиссий «борисфенов» как форму указанного гребня грифона (рис. I, 2, 4). В греко-скифском искусстве орлиноголовый грифон предстает как зооморфное воплощение обоих потусторонних миров — «верхнего» и «нижнего», т. е. мира смерти в различных ипостасях (Раевский, 1985). В тернарной модели мироздания индоиранцев среди различных связей коня со всеми «мирами» особо выделяется его связь с погребальным обрядом, его роль в перемещениях из мира живых в мир мертвых (Раевский, 1985). Таким образом выясняется, что грифон и конь в определенных ситуациях маркируют мир смерти. Поэтому естественно появление их изображений (и по логике магии) на скифских секирах.

Рис I

Из эллинской версии этногонической легенды скифов следует, что лук достался младшему из сыновей первопредка скифов Геракла-Гаргитая Скифу как символ власти этого скифского царя. Думается, что на реверсах ранних «борисфенов» синтезированы символы царей из двух вариантов генеалогической легенды скифов — Колаксия (секира) и Скифа (лук). О возможном слиянии этих образов в единый в сознании скифов и эллинов, благодаря идентичности их функций в вариантах легенды, свидетельствует проведенная унификация всех ее версий (Раевский, 1977, табл. I, II) и также изображение на амфоре VI в. до н. э. бородатого варвара, в котором видят царя, с клевцом в руке и помещенными над его головой луком и горитом (Алексеев, 1981, Савостина, 1983).

Апелляция к этим символам военной мощи скифов на полисных монетах эллинов — «борисфенах», занявшим к тому же вскоре после осады города Зопирином в 331 г. до н. э. на медных монетах на долгие годы место городского герба Ольвии, нами понимается как знак признания ольвиополитами заслуг их союзников скифов в защите города от македонского войска. Подтверждение такого объяснения мы находим в тех периодах истории, в которых в зависимости от характера отношений Ольвии со скифскими племенами скифские мотивы либо исчезали с ольвийских монет (при диктате Сайтафарна), либо вновь возрождались (при «экономическом протекторате» Скилура) (Виноградов, 1989).

РАСКОПКИ КУРГАНА У С. НОВО-КРАСНОЕ (междуречье рр. Днестр-Тростянец)

Алексеева И. Л. (Одесса)

В 1980 г. Буго-Днестровской новостроечной экспедицией ИА АН СССР проводились раскопки кургана в зоне проектируемого строительства насосной станции, трубопровода, связывающего его с Рыбницким водохранилищем, и орошаемого участка к/х «Украина».

Курган высотой 2,95 м и диаметром 50 м, находился в 2 км к юго-западу от с. Ново-Красное Красноокнянского р-на Одесской обл., на возвышенном плато (высота над уровнем моря 430 м) в междуречье Днестра и его восточного притока р. Тростянец. В 5 км к западу от исследуемого кургана на трассе Одесса-Рыбница расположена автобусная остановка «с. Жура», в 20 км севернее которой находится известный Выхватинский могильник.

Склоны кургана пологие, распаханые. Насыпь была единовременной и состояла из чернозема.